

Элли в своей жизни бывала в некоторых дерьмовых местах, но это было довольно высоко в пятерке лучших. Факел, который Эскель оставил гореть в подсвечнике снаружи, потух несколько часов назад, и темнота лишь добавила общего декора. Стало немного легче игнорировать многочисленные крысиные гнезда, разбросанные по тесной камере, хотя она все еще могла слышать и определенно чувствовать их запах. Зубчатые каменные стены были скользкими от плесени и мха, пол был немногим лучше, лишь незначительно улучшился благодаря тонкому слою соломы, которая давно заплесневела.

Эскель поморщился, когда вел ее в холодную тюремную камеру, которая должна была стать ее домом до дальнейшего уведомления. Ей было его жаль, он был одним из немногих, кроме Ламберта, кто был на ее стороне. Она улыбнулась ему, охотно войдя в указанную им камеру и с сожалением наблюдая, как он оставил ее одну на ночь. Он обещал вернуться на следующий день, но казалось, что уже много лет она предоставлена самой себе.

Ее спина была прижата к дальней стене, колени подтянуты к груди в ее излюбленном положении. Частично для комфорта, а частично для тепла. В камере было не так холодно, как на горном перевале, но недалеко. Даже сквозь толстые каменные стены и слои камня снаружи она слышала, как ветер воет вокруг крепости, словно стая разъяренных волков. Звук был пустынным и несчастным, он напомнил ей о печальном, ветхом состоянии Каэр Морхена; зал такой же большой, как казармы дома в Чистилище, но пустой и заброшенный. Она только что встретила его, но Весемир чувствовал себя последним стражем древнего порядка.

Она положила голову на ледяной камень своей тюрьмы и закрыла глаза. Неужели она поступила глупо, пойдя за этим человеком, которого едва знала, в место, которого никогда не видела, чтобы попросить помощи у людей, которые видели в ней всего лишь монстра? Более мудрый человек мог бы сказать «да», но Элли и раньше бывала в подобных ситуациях. Черт, всю ее жизнь она следовала за людьми, которых едва знала, в неизвестные ситуации. Зачем останавливаться сейчас? Тем не менее, при упоминании о ритуале чтения мыслей глубоко внутри нее посеялось гноящееся семя сомнения. Хотела ли она, чтобы эти убийцы заглянули внутрь и увидели все, что она сделала, и все, на что она способна?

Соломон всегда учил ее доверять тому, куда ее ведут двери, но эта дверь, та, что привела ее сюда, не была сделана ее рукой. Возможно, сейчас самое время бежать. Снова открыв глаза, она оглядела свою темную камеру в поисках чего-нибудь, чем можно было бы написать. Просеяв руки через вонючую соломинку, она нашла камень довольно большого размера, не острый, но грубый. Крепко держа его в руке, она начала выцарапывать отметку на стене. Треугольник, окружающий крест. Ключ, чтобы вернуться в Чистилище.

Опустившись на пол перед ним, она скрестила ноги и положила руки на колени. Она начала очищать свой разум от всего, что произошло за последние несколько недель. Встреча с Ламбертом, путешествие с ним и его друзьями, встреча с грифонами и водяными ведьмами, начало охоты, первый раз увидев Каэр Морхен, в момент у водопада. Ее глаза распахнулись. Она рефлекторно посмотрела на низкий каменный потолок, покрытый капающими сталактитами. Нить, которая привела ее сюда и руководила большинством ее решений, дернула ее за живот, когда она посмотрела вверх, туда, где над ней, вероятно, спал Ламберт. Она была благодарна ему за все, что он для нее сделал, несмотря на его резкое отношение. Ей было бы жаль оставить его.

С глубоким вздохом она закрыла глаза и сосредоточилась на поиске коряги, которая вернет ее домой. Чтобы найти слабое место между мирами, потребовалось больше времени, чем обычно, и когда она попыталась его уловить, оно продолжало исчезать. Как будто кто-то вырвал это у нее. После нескольких часов утомительной работы и отсутствия каких-либо результатов Элли

рухнула навзничь на кучу заплесневелой соломы. Что-то определенно было не так. Однако, несмотря на неудачную попытку сбежать из ее не совсем приятной камеры, Элли не могла не почувствовать облегчение от того, что не покинет ведьмака, не попрощавшись.

О начале нового дня ее предупредил визит Эскеля. Время здесь казалось еще более текучим, чем обычно, и отсутствие света затрудняло определение того, ночь сейчас или день, что было главным фактором. Она почувствовала его запах раньше, чем увидела или услышала его. В отличие от Ламберта, Эскель и Геральт имели отчетливо травяной аромат. У Геральта был древесный и солоноватый запах, похожий на тимьян, но от Эскеля пахло более ароматно. Это напомнило ей розмарин, который рос в лесу недалеко от дома ее детства. Это была одна из вещей, которая привлекла ее к нему. Ведьмак со шрамами подарил ей одну из своих легких улыбок, подходя к решетке с простой деревянной миской в руке.

— Ты знаешь, мне это не нужно. Сказала она, когда он передал ей это.

'Я знаю. Но это дает мне повод прийти и увидеться с тобой. Не думаю, что старик Весемир хочет, чтобы кто-нибудь из нас был здесь с вами, но даже он не откажет пленнику в еде. Он подмигнул ей, она улыбнулась в ответ. Взяв чашу, она на мгновение посмотрела на ведьмака сквозь решетку камеры.

'Как он?' Эскелю не нужно было спрашивать, кого она имеет в виду. Он почесал затылок с тревожным выражением лица.

— Ты знаешь Ламберта. Он угрюм и озлоблен, как обычно. Весемир поручил ему заняться ремонтом восточной стены, чтобы отвлечь его, но он уже трижды назвал Геральта придурком и велел Весемиру спрыгнуть со скалы, так что... нехорошо.

Элли посмотрела на миску, наполненную мягкой белой субстанцией, похожей на кашу, и нахмурила брови. «Он не должен был так высказываться. Я не хочу больше причинять ему неприятности».

«Эл.» Она подняла глаза на серьезную нотку в голосе Эскеля. Он смотрел на нее сквозь решетку, его лицо наполовину освещалось факелом, который он принес с собой. Это отбрасывало его шрамы в глубокую тень, придавая нежному ведьмаку странно злобный вид. — Ему не нужна твоя вина. Ему просто нужно, чтобы ты был честен.

Нить в ее животе резко дернула его слова, и она почувствовала, что поморщилась, когда Эскель откровенно посмотрел на нее. — Я знаю, ты сказал, что ничего не скрываешь, но мы многого не знаем о тебе и о том, что планируют Трисс и Йен, ну... скажем так, тебе негде будет спрятать свои скелеты. ' Он поместил факел в подсвечник и скрестил руки на груди. — Ламберт не из тех, кто показывает свои чувства, но между вами есть что-то такое, что может увидеть даже шалмаар. Все, что я прошу, это относиться к моему брату с уважением и не выставять его дураком. Потому что он им не является... как бы он ни пытался убедить нас в обратном».

Пока он говорил, в груди Элли образовался тяжелый груз. Как будто его слова давили на нее каждым слогом. Закончив, он посмотрел на нее столь же тяжелым взглядом, затем выражение его лица смягчилось. — Еще раз извините за условия проживания. Посмотрим, смогу ли я прокрасться вниз после ужина. До тех пор с тобой все в порядке?

'Конечно.' - сказала Элли. На ее лице улыбка, но голос тихий. Эскель в последний раз нерешительно улыбнулся ей, прежде чем исчезнуть из поля зрения и снова подняться по лестнице. Рухнув на вонючую соломенную подстилку, Элли уронила голову на руки. Слова

Эскеля затронули глубже, чем он, возможно, даже предполагал. Да, она была честна всякий раз, когда Ламберт или другие задавали вопросы, но никогда не раскрывала подробностей. Всегда оглядывалась вокруг, боясь, что если они присмотрятся слишком внимательно, то увидят что-то, что им не нравится, и набросятся на нее. Теперь она сидела в заточении в горах, не имея возможности открыть дверь дома и собираясь подвергнуться агрессивному исследованию разума, которое выплеснет все ее самые глубокие и темные воспоминания на всеобщее обозрение. Ожидая следующего визита, она сидела в тихом несчастье, позволяя крысам толпиться вокруг ее сгорбленного тела, желая, чтобы она рассказала ему больше. Жаль, что она не была такой трусихой.

Прошло неопределенное количество часов, прежде чем она почувствовала запах кого-то приближающегося сверху. Ее ноздри раздулись, а голова резко вскинулась, когда вместо слабого дуновения розмарина, которого она ожидала, она уловила резкий запах корицы в воздухе. Его шаги были намеренно тихими, и на мгновение Элли забеспокоилась, что что-то не так. Затем появилась его знакомая фигура, его лицо наполовину было скрыто в тени из-за уже низко горящего факела. Выражение его лица было настороженным, но на его лице был едва заметный намек на самодовольную улыбку, когда он смотрел на нее. Он поднес палец к губам и сделал знак, чтобы она молчала, и тогда она поняла, что его легкие шаги были предназначены для того, чтобы скрыть свое присутствие.

Не раздумывая, Элли поднялась на ноги и двинулась к решетке, ее собственные ноги почти не издавали звука по покрытым соломой камням. Подойдя к решетке, она наклонилась, чтобы лучше видеть его лицо. Ламберт подражал ей, подойдя прямо к камере и немного наклонившись, так что они оказались всего в нескольких дюймах друг от друга.

— Как дела, Голубые глаза? — спросил он тихим голосом. Волна тепла расцвела в ее груди, где только что находился вес Эскеля.

'Было лучше.' Она пошутила, одарив его криво ухмылкой. Уголок его рта дернулся. — Я думал, тебе не разрешили меня видеть?

— Нет, но старый ублюдок не так наблюдателен, как ему хотелось бы думать. У меня есть около десяти минут, прежде чем он поймет, что я больше не тащу камень. Возникла неловкая пауза, когда они оба посмотрели друг на друга. Элли протянула руку и щелкнула одним из димеритиевых стержней, издал глухой металлический звон.

— Ты собираешься сказать им, что эта штука на меня не действует, или мне следует сказать? Ламберт фыркнул, его рот искривился в ухмылке. Желудок Элли сделал небольшое сальто при этом виде.

— Как насчет того, чтобы пока оставить это между нами? Она кивнула, и они снова погрузились в молчание. Элли обнаружила, что ей не хватает слов. После их драматического прибытия в крепость и неожиданно серьезного разговора Эскеля она не могла смотреть ведьмаку прямо в лицо, но чувствовала, как его жгучие глаза смотрели на неё.

— Знаешь, тебе не обязательно было этого делать. Я не хочу, чтобы у тебя были проблемы с твоим наставником».

«Он не мой наставник». — резко сказал Ламберт. — И я дал тебе обещание. Она подняла глаза на его внезапно суровый тон. Едва скрываемый гнев, который он, казалось, всегда носил с собой, вспыхивал в его янтарных глазах. Когда она посмотрела на него, ее брови нахмурились от беспокойства, гнев утих. «Все равно они придурки, хотя это и не в моем характере».

— С Эскелем все в порядке. Сказала она в защиту доброго ведьмака. Рот Ламберта скривился в кислой гримасе.

— Да, видел, как вы двое дружили по дороге сюда. Элли подняла на него бровь.

— Чувствую ли я в этом намек на ревность?

Ламберт отвернулся, его глаза сузились. «Вы замечаете дерьмо Голубые глаза. Я просто констатирую факт».

Между ними снова воцарилось молчание, на этот раз оно было тяжелым от напряжения, поскольку Элли пыталась понять, почему он вообще здесь. Когда она увидела угрюмого ведьмака, ей снова вспомнились слова Эскеля. «Эй, я только что вспомнил. Я все еще должен вам два вопроса».

Его глаза метнулись к ней, брови опущены в замешательстве. — Почему ты заговорил об этом сейчас?

Она пожала плечами. «Я не люблю оставлять долги невыплаченными. Кроме того, если я собираюсь выложить свои самые сокровенные мысли на всеобщее обозрение, я бы предпочел сначала просветить вас по нескольким пунктам. Это меньшее, что я могу сделать...». Она замолчала, тишина грозила возобновиться.

'Хорошо.' Наконец сказал Ламберт. Он изменил позу, почесал подбородок одной рукой, размышляя. Его взгляд медленно опустился на ее руку, которая теперь сжимала решетку между ними. — Что это за символ на твоём запястье?

Элли вывернула руку, чтобы показать символ, о котором он говорил. Слегка приподнятый шрам выделялся в мерцающем свете факела. Он отбрасывал на ее кожу оранжевое сияние, создавая впечатление, будто на ней только что наклеили клеймо.

— Это знак Хранителей Привратников. Это значит, что я силовик и страж мира демонов».

— Звучит серьезно. Ну и что? Ты защищаешь демонов? Острый взгляд Ламберта был сосредоточен на ней. Это был тот же взгляд, который Эскель смотрел на нее всякий раз, когда задавал ей вопросы. Это был взгляд хищника, оценивающего свою жертву, и Элли обнаружила, что Ламберту ей не нравится использовать его.

'Не совсем. Во всяком случае, я защищаю всех остальных от демонов. Не все демоны хорошие, как и не все люди. Некоторым нравится создавать проблемы».

Ламберт снова почесал подбородок. — Почему мне кажется, что ты все еще держишься за меня?

Элли вздохнула, склонив голову на холодную решетку. 'Это трудно объяснить. Большинство людей слышат только о плохих, именно они заключают нерушимые договоры, вмешиваются в жизнь людей и чаще всего заканчивают тем, что убивают их. Вы редко слышите о демонах, которые помогали людям открывать огонь, управлять погодой для урожая или благополучно доставлять их души на другую сторону после смерти. Она пристально посмотрела на Ламберта. «Это из-за нас. Мы держим демонов на безопасном расстоянии. Мы останавливаем тех, кто проходит, и убираем весь беспорядок, который они оставляют после себя. Вот что представляет собой этот знак, он представляет мою цель во всем этом».

Ламберт сделал шаг назад, оценивая девушку, запертую в камере перед ним. Элли со страхом смотрела на него. Это было единственное, что она говорила о своем роде или своем доме, она ждала, что он наконец согласится со старым, которого они звали Весемиром, и объявит ее опасной. Вместо этого он склонил голову набок. В его чертах проступило осознание.

— Вот почему тебе не разрешено убивать? Элли кивнула в ответ, и ужасная тишина снова начала нарастать.

«Я не могу никого убить с незапятнанной душой. Это противоречит закону, который привязывает меня к Чистиллищу, месту, где живут демоны. Элли заметила, что во всех их взаимодействиях Ламберт вел себя гораздо более сдержанно, чем она привыкла. Обычно он проявлял высокомерное высокомерие, которое понижало все, что он говорил, как будто он уже все знал. Это был тот Ламберт, к которому она привыкла за время своего путешествия сюда. Однако этот Ламберт смотрел на нее с нейтральным выражением лица, его глаза были испытующими и настороженными. Это было только усилено приглушенными голосами, которыми они говорили, его обычно резкий, язвительный тон исчез.

— Незапятнанный? К черту все это, Голубые глаза. Я не думаю, что у меня достаточно вопросов, чтобы ответить на все, что с вами происходит. Что такое Чистилище? Что делает душу испорченной? Как человек оказался в каком-то причудливом культе демонов-охранников? Большую часть времени ты говоришь какую-то сумасшедшую чушь. Он провел рукой по лицу, испустив при этом протяжный вздох. «В этом мире есть много вещей, о которых я не знаю, не говоря уже о других. Чем больше я узнаю тебя, тем сложнее становится все это. Я просто хотел вырвать тебя из своих рук, сейчас же...

Он сделал паузу, и в этом ритме тишины Элли услышала тысячу разных значений. Его брови нахмурились, и она увидела, как его рот слегка скривился, как будто ему было больно. — Ты знаешь, Весемир и Геральт тебе не доверяют.

Она кивнула: «А ты?» Ее голос был неуверенным, она не знала, хочет ли она, чтобы он ответил.

— Я... я не знаю. Честно говоря, иногда мне жаль, что я никогда не соглашался на этот контракт из-за тебя. Моя жизнь сейчас была бы намного проще».

Его слова были как нож в живот. Элли пришлось держаться за прутья, чтобы не согнуться пополам от фантомной боли. «Но простая жизнь все равно никогда не была для меня перспективой. И ты чертовски интересный. Она снова медленно посмотрела на него и почти ахнула от облегчения, увидев полуулыбку на его лице. Его янтарные глаза сияли, когда он смотрел на нее. — Итак, я думаю, я доверяю тебе. Просто... не делай ничего глупого, когда две ведьмы делают свое дело, ладно? Не думаю, что смогу настолько разозлить Весемира, чтобы отвлечь его во второй раз».

«Я сделаю все возможное». Сказала она, ее голос был почти шепотом. Его улыбка стала шире, и он повернулся, чтобы передать ей что-то через решетку.

'Здесь. Я подумал, что тебе это понадобится. Это место холоднее, чем анус морозного гиганта. Она осторожно взяла шерстяное одеяло, которое он затолкал в камеру, и ее глаза наполнились слезами от доброго поступка.

'Я...'

— Не упоминай об этом. Голубые глаза. Мысль о том, что ты замерзаешь здесь, не давала мне уснуть, и ты знаешь, как мне нужен прекрасный сон. Его улыбка превратилась в знаменитую

высокомерную ухмылку, и Элли почувствовала, как ее собственный рот растянулся в широкую ухмылку. Она посмотрела в его теплые глаза, запоминая золотые крапинки, разбросанные по янтарию, и он тоже посмотрел на нее. Ее кожа начала нагреваться, и не от одеяла, которое ей еще только приходилось держать.

Спустя, казалось, целую вечность, Ламберт откашлялся и собрался уйти. — Я не смогу снова спуститься. Итак, увидимся на этом ритуале. Его голос внезапно стал напряженным, как будто он что-то сдерживал. Он сделал несколько шагов в сторону, не отрывая взгляда от пола. Элли прижалась к решетке, чтобы лучше видеть его.

'Ламберт.' Она позвала приглушенным голосом. Он остановился, повернувшись к ней спиной, но она знала, что он слушает. 'Спасибо. Для всего.' Наконец она сказала.

Его плечи, казалось, поникли от этих слов, затем, не ответив, он продолжил подниматься по лестнице, исчезая в темноте.

Элли еще несколько мгновений наблюдала за местом, где он находился, а затем вернулась на свое место в задней части камеры. Она накинула ей на плечи одеяло, которое он принес ей, мягкую ткань, пропитанную его ароматом корицы. Сделав глубокий вдох, она выпила его. Позвольте ему согреть ее как изнутри, так и снаружи.

Его неожиданный визит поднял ей настроение; он не убегал от нее и не относился к ней с пренебрежением. Он беспокоился о ней. Спросить, как она себя чувствует, и принести ей небольшое утешение. Несмотря на это, тяжелый вес, который он временно поднял, снова начал давить на нее. Снова и снова она отнимала у нее всех, кто имел для нее значение, теперь было просто легче держаться на расстоянии. Но ей было трудно соблюдать это правило с Ламбертом. Несмотря на его отвратительное, порой, отношение и неортодоксальную манеру разговора, она просто почувствовала, что ее тянет к нему. Как магнит к противоположному полюсу.

Сидя и думая обо всех событиях, которые привели ее в это место, она больше всего размышляла об их странных отношениях. Они начинали как пленник и пленник, нестабильное и хрупкое партнерство, но по мере того, как под ними проходили мили, а дни превращались в недели, эти роли стали размытыми и запутанными. Превратить безымянное нечто между ними в тревожную, неопределённую связь.

Прошло три дня; или, по крайней мере, еще три визита Эскеля произошли и прошли. Ему удавалось притворяться, что ему нужно ее накормить, и хотя ей нравилось его недолгое, веселое общество, она всегда с легкой тяжестью на сердце чувствовала приближение его знакомого запаха розмарина, а не согревающего привкуса корицы.

На третий день она оторвалась от своего импровизированного гнезда из гниющей соломы и одеяла Ламберта, которое она сделала, чтобы чувствовать себя комфортно, когда новый незнакомый запах достиг ее носа. Это была запутанная смесь кедра, приторно-сладкой сирени и каких-то ягод, и потребовалось время, чтобы распутать путаницу запахов. Только когда до нее донесся звук многочисленных шагов, спускающихся по лестнице, она поняла, что запахи исходили не от одного человека, а от двух. Секундой позже два совершенно разных силуэта затмили тусклый свет нового факела, который Эскель принес ей ранее в тот же день.

«Пришло время, демон». Обветренный голос Весемира легко привязывался к широкоплечей и высокой тени перед ней, но более тонкая тень была Элли незнакомой.

'Это она? Я ожидал чего-то более... грозного. Голос этот был гладок, как шелк, и в нем было

тщеславие. Элли вылезла из своего гнезда и медленно поднялась на ноги, щурясь от света факела. Рядом с Весемиром она могла разглядеть потрясающе красивую женщину, ее идеальные черты лица обрамлены пышными волнами угольно-черных волос. Выражение ее лица не было недружелюбным, но в нем было снисходительное выражение, как будто она смотрела на девушку в камере сверху вниз.

Сделав шаг навстречу своим посетителям, Элли понимающе улыбнулась незнакомке. — Итак, вы здесь, чтобы исследовать мои самые сокровенные мысли? Я ожидал кого-то более... устрашающего. Сказала она веселым тоном.

Красивая женщина на мгновение выглядела озадаченной, прежде чем взглянуть на Весемира и разразиться громким смехом. — Довольно язык у нее. Мне было интересно, как демонцу удалось победить Ламберта, теперь я знаю. Она окинула Элли оценивающим взглядом, а старый ведьмак устало вздохнул.

— Если вы закончили обмен любезностями, Йеннифэр, я бы хотел продолжить. Вы с Трисс потратили достаточно времени и продолжаете готовиться, я бы хотел, чтобы обе вернулись».

Теперь, находясь ближе к решетке, Элли могла рассмотреть лицо женщины более детально. В этом была неземная, безупречная красота. Идеальные миндалевидные глаза, рот-бабочка и высокие скулы – все это обрамлено блестящими черными волосами. У нее была фигура «песочные часы», одетая в изысканный лиф и струящуюся черно-белую юбку. Но, как и у многих людей, которых она встретила в этом мире, больше всего внимания привлекли глаза женщины. Они были ярко-фиолетового цвета и, казалось, мерцали, глядя на растрепанный вид Элли. Ее редко заботило то, как ее воспринимают другие, но рядом с этим безупречным человеком Элли внезапно почувствовала себя удручающе представленной.

«Протяни руки, демон». – сказал Весемир резким и раздражительным тоном. Йеннифэр устало посмотрела на него, ее фиолетовые глаза закатились.

Не желая больше портить свои шансы, Элли послушно протянула руки. По крайней мере, она была бы благодарна за смену обстановки. Весемир протянул руку через решетку и закрепил на ее запястье очень знакомую пару кандалов. Они были идентичны тем, в которых Ламберт держал ее в начале путешествия.

Удовлетворенно крикнув, старый ведьмак убрал руки и отпер камеру, дверь с скрежетом распахнулась. Кивком головы Весемир дал Элли знак выйти. Йеннифэр пристально посмотрела на нее, прежде чем отойти в сторону, чтобы пропустить ее, расположившись так, чтобы оказаться между Элли и лестницей на свободу.

'А не __ ли нам?' — вежливо спросила она. Одарив Весемира саркастической улыбкой, прежде чем элегантно надеть ботинки на высоком каблуке и пойти к лестнице.

— Ничего не пробуй. - сказал Весемир, наклоняясь к Элли и сильно толкая ее в направлении, куда ушла Йеннифэр. Легко спохватившись, она начала медленно выходить из тюрьмы в сопровождении странной женщины и старого ведьмака. Именно в таком порядке она вернулась в главный зал крепости. Яркий солнечный свет лился через высокие арочные окна, освещая серые каменные стены и выступающие контрфорсы совершенно другим светом, чем когда она вошла несколько дней назад.

Теперь она могла ясно видеть, какой беспорядок заполнил зал. Огромные груды книг и мебели, некоторые из которых находятся в разной степени ветхости. Область возле гигантского камина по-прежнему была самой чистой, с большой скамейкой и столом, накрытыми для еды. У

дальней стены, под другим окном, стоял ряд простых кроватей, не заправленных и смятых от использования. Йеннифэр провела ее через промежуток между двумя высокими книжными шкафами, заполненными флаконами и другими контейнерами. Некоторые были пусты, другие были наполнены яркими жидкостями. Элли никогда не видела зелья Ламберта, но догадалась, что они, вероятно, выглядели именно так. Однако на полке было несколько знакомых предметов, и, проходя мимо, она узнала в них бомбы, которые он использовал во время боя.

Ее взгляд скользнул по настоящей пещере Аладдина, полной магических предметов, когда ее привели к другому открытому пространству, расчищенному в холле. Центром этой зоны стал не простоватый на вид обеденный стол, а стол другого дизайна. Самое близкое, с чем она могла сравнить это, было чем-то из викторианской психиатрической больницы. Этот стол был сделан из металла, а не из дерева, и определенно не был похож на стол, за которым можно было есть. Он был поднят примерно на высоту талии и имел сложную металлическую рамку по краям. Рядом с изголовьем было что-то вроде подставки, предназначенной для того, чтобы что-то держать.

Он был ржавый от времени и испачкан чем-то темным и красным, о чем Элли не хотелось думать. Но худшей особенностью стола, от которой у нее по спине пробежала дрожь предчувствия, были толстые металлические кандалы, встроенные в его бока и основание. Она не была уверена, какова функция этого стола, но нетрудно было представить, что он в основном был создан для того, чтобы держать кого-то связанным, когда с ним проделывали невыразимые вещи.

Вокруг ужасающего устройства собрались остальные ведьмаки вместе с рыжеволосой женщиной, которую они звали Трисс. Она и Геральт стояли ближе всего друг к другу, он скрестил руки на груди, на его лице было суровое выражение, а Йеннифэр и Весемир остановились по обе стороны от нее. Рядом с ними, в нескольких футах, находился Эскель. Он не выглядел таким враждебным, как Геральт, но выражение его лица было настороженным, когда он взглянул на нее. Его взгляд быстро ускользнул, словно он изо всех сил пытался встретиться с ней взглядом.

Наконец ее внимание переключилось на последнего человека в комнате. Стоял на значительном расстоянии от остальных, скрестив руки на груди и напрягшись. Ламберт смотрел на остальных, собравшихся вокруг устройства пыток. Медленно его голова повернулась, чтобы рассмотреть новичков в этом странном собрании, сначала взглянув на Йеннифэр, затем на Весемира. Элли почувствовала, как все ее мышцы инстинктивно сжались. Ламберт выглядел самым разгневанным из всех, кого она когда-либо видела. На его лице была стиснутая ярость, которая скрывала его мрачное настроение, но именно его глаза вызвали у нее желание протянуть руку и попытаться успокоить его.

Они были широкими и дикими, и яркий огонь, казалось, разгорался, пока он смотрел на старого ведьмака, стоящего рядом с ней. Она могла только разглядеть его сжатые кулаки, прижатые к его груди. Костяшки пальцев на каждой руке белые. Чем дольше она смотрела на него, тем больше она видела; его слегка трясло. Она посмотрела на него, ее собственный ужас от его реакции отразился в его глазах. Он был не просто зол, он был напуган.

Прежде чем она успела спросить, что случилось, Весемир сделал шаг вперед, привлекая внимание группы. — Трисс, все готово?

Рыжеволосая женщина торжественно кивнула. Бросив взгляд на Йеннифэр. «Мы готовы как никогда, теперь давайте продолжим».

Весемир неодобрительно взглянул на темноволосую женщину рядом с ней, и на мгновение Элли увидела, как Геральт раздраженно покачал головой. Если бы она справилась с этим, ей пришлось бы спросить Ламберта, что происходит со всеми этими красивыми женщинами и Геральтом. Казалось бы, интересная история.

Старый ведьмак схватил ее за кандалы и потащил к металлическому столу. Краем глаза она увидела, как Ламберт резко вздохнул, когда Весемир велел ей лечь на него. Теперь, когда она была рядом с ним, она могла чувствовать запах крови и страдания, исходящий от него. Был момент колебания, когда Элли задумалась, может ли бег быть для нее лучшим выбором. В одиночку ей было бы трудно, но не невозможно, и перед перспективой быть привязанной к этой ужасной штуке, идея сбежать от нее была очень заманчивой.

«Должен быть другой путь». Голос Ламберта прорвал относительную тишину комнаты. Все взгляды обратились на него. Ведьмак, к манерам и личности которого она так привыкла, предстал перед ней изменившимся. Он выглядел диким от страха и отчаяния, но, когда он говорил, его голос был резким от гнева.

Стоящая рядом с ней Йеннифэр покачала головой. «Ее нужно сдерживать во время процесса. Найдите мне лучшее приспособление для этого, и я с радостью изменю план. Но в нынешнем виде это лучше всего подходит для этой цели».

Рот Ламберта искривился в рычании, когда он повернулся к Весемиру. «Я понимаю, что вам нужно сделать это, но не то ». Он ткнул пальцем в сторону стола, его глаза опасно сверкнули.

— Мы используем его, Ламберт. Демона необходимо сдерживать во время ритуала. В его голосе не было места для споров, и прежде чем Ламберт успел еще что-то возразить, он повернулся к Элли, жестом приглашая ее садиться. Бросив умоляющий взгляд на Ламберта, надеясь помешать ему причинить неприятности, она подчинилась. Смирившись со всем, что хотели сделать эти люди. Бегство было бы легким выходом, но когда легкий выход когда-либо приводил к чему-то лучшему?

Лежа напротив стола, первое, что заметила Элли, был холод. Оно было на несколько градусов ниже, чем остальная часть крепости. Это было скорее похоже на лежание на куске льда, чем на куске металла. Следующее, что она заметила, был исходящий от него невыносимый запах смерти. Ее предыдущая оценка того, что там пахнет кровью и страданиями, теперь усилилась, как будто стол хранил все души, которые он забрал, и только теперь, прикасаясь к нему, она могла их почувствовать.

Весемир снял кандалы с ее запястий и защелкнул на их месте металлические наручники, приваренные к столу. Она послушно подчинилась, позволив ему привести ее руки и ноги в нужное положение. Мгновенно ее охватило сильное чувство страха. Ее ноги и руки теперь были привязаны к столу, Весемир отступил назад, позволяя Трисс и Йеннифэр подойти к ней. Рыжеволосая с беспокойством положила руки на распростертое тело Элли.

«Больно будет меньше, если ты не будешь сопротивляться». Она сказала. Элли посмотрела в свои зеленые глаза и не увидела в них никакой злобы, только решительную сосредоточенность. Йеннифэр, напротив, одарила ее холодной улыбкой, в ее фиолетовых глазах не было и следа сочувствия, только сильный интерес.

— Если ты готова, дорогая, мы начнем. Из ее рук вырвалась вспышка фиолетового света, и внезапно в ушах Элли наполнился пронзительный звон. Звук был более интенсивным, чем когда-либо прежде, и она рефлекторно попыталась заткнуть уши, но ее остановили прочные

металлические ограничители на запястьях.

Обе женщины начали бормотать себе под нос на каком-то незнакомом языке, который показался ей тарабарщиной. Пурпурное сияние росло из рук Йеннифэр, пока не окружило ее тело. Трисс подошла к изголовью стола и положила обе руки на виски Элли. Звон усиливался, пока она не почувствовала, что ее голова взорвется от нарастающего внутри нее давления. Когда она подумала, что это вот-вот произойдет, она взглянула мимо Йеннифэр и мельком увидела Ламберта.

Он все еще стоял отдельно от своих братьев, на его лице застыла маска неразбавленного страха. Его глаза встретились с ней. Она попыталась заставить себя улыбнуться ободряющей улыбкой, желая, чтобы он не волновался, но боль в голове превратила ее в гримасу. Звон достиг пика, и она подумала, что больше не сможет выдержать, затем что-то влажное и теплое распространилось из того места, где Трисс коснулась кончиками пальцев, к виску ее головы. Ужасающий шум в ее голове внезапно прекратился.

Она чувствовала себя невесомой и тяжелой одновременно, синий туман начал сгущаться перед ее глазами. Она не сводила взгляда с Ламберта, поэтому его измученные янтарные глаза были последним, что она видела, прежде чем туман взял верх. Ритуал начался.

<http://tl.rulate.ru/book/100009/3415818>